

«Русский союз на Украине» и национальное самоопределение русского населения УНР весной 1918 г.

Антон Чемакин

«Russian Union in Ukraine» and the national self-determination
of the Russian population of the UPR in the spring of 1918

Anton Chemakin

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870017394-4

Одним из характерных явлений 1918 г. было создание всевозможных над-партийных организаций, объединявших на персональной основе деятелей разнообразных политических группировок («Левый», «Правый», «Национальный» центры, Союз возрождения России и т.п.). К их числу принадлежал и Русский союз на Украине (РСНУ), включавший в себя представителей эсеров, меньшевиков, русских националистов и др. Он стал одной из первых попыток самоорганизации русского населения Украины, неожиданно для себя оказавшегося в статусе национального меньшинства в новообразованной Украинской народной республике (УНР). К сожалению, он до сих пор не привлекал внимания российских исследователей.

Между тем «самостийники» реагировали на его возникновение довольно болезненно. Так, в меморандуме украинских политических партий 8(21) мая 1918 г. отмечалось, что при новом гетманском правительстве «распространил свою антигосударственную и антиукраинскую деятельность Русский союз на Украине, который поставил себе ясную цель: мобилизацию сил для восстановления “единой неделимой России”. В этот союз входят члены разных российских партий, от демократических до крайних реакционеров; значит, и те партии и общественные группы, к которым принадлежат и члены нынешнего Кабинета министров»¹. Один из лидеров левого крыла украинского движения В.К. Винниченко вспоминал, что при гетмане «русские все (за исключением большевиков) вступили в “Русский союз”, который имел целью борьбу с украинством. Черносотенцы, кадеты, меньшевики и эсеры — все, под защитой немцев и лизоблюдов, шли походом на украинское возрождение»². Наиболее подробно (и притом некорректно) РСНУ характеризовал украинский социал-демократ П.А. Христюк: «Основание в мае месяце “Русского союза” (с центром в Киеве) мотивировалось необходимостью объединить силы “русских” на Украине для

© 2021 г. А.А. Чемакин

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-09-00414 «“Богдановцы против мазепинцев”»: русское движение Киева в 1917–1919 гг.». Funding: The reported study was funded by RFBR, project № 20-09-00414.

¹ Меморандум українських політичних партій // Самостійник. 1918. 2 червня. № 6. С. 3.

² Винниченко В. Відродження нації (Історія революції [марець 1917 р. — грудень 1919 р.]). Ч. III. Київ; Відень, 1920. С. 72.

защиты и развития московской культуры на Украине и прежде всего московской школы. В действительности же цель была совершенно иной. Говорить про необходимость защиты московской культуры было просто смешно, так как никто её прав не нарушал: наоборот, гетманщина делала всё, чтобы под формулой равенства украинского и московского языка в государственных, общественных и научных учреждениях Украины вернуть московскому языку давнее господствующее положение. Дело и шло об этом последнем. За этим “Русский союз” преследовал цель восстановления России в старых, дореволюционных границах. Эта цель, конкретное формулирование которой каждая московская группа или партия давала в соответствии со своим социально-политическим мировоззрением, вместе с борьбой за господствующее положение московской культуры на Украине, объединяла в “Русском союзе” самые разнородные московские группы, партии и классы на Украине, начиная от кадетов и некоторых правящих групп и кончая московскими народными социалистами, социалистами-революционерами и социал-демократами меньшевиками. Не входили в состав “Русского союза” из левых социалистических российских партий только большевики³. В украинских левых кругах явно стремились дискредитировать гетманский режим, увязав его с «Русским союзом», и доказать, что все русские политические группировки, даже самые «прогрессивные», интернационалистские и социалистические, настроены против украинского движения и ради борьбы с ним готовы пойти на союз с черносотенцами. Для этого в «Русский союз» «записывали» не отдельных эсеров и меньшевиков, а сами партии, хотя они не только в него не вступали, но и публично осудили контакты с правыми. Одновременно стужёвывалось то, что наиболее активно РСНУ действовал не *после*, а *до* прихода к власти П.П. Скоропадского, тогда как к концу мая 1918 г. он фактически распался. Однако и современные украинские историки практически без изменений воспроизводят представления, родившиеся в пылу политической борьбы столетие назад⁴.

Рассматривая деятельность РСНУ, необходимо учитывать особенности политики УНР в отношении «национальных меньшинств». Ещё в августе 1917 г. при создании Генерального секретариата Украины Временное правительство издало инструкцию, которая предусматривала назначение секретаря по национальным делам и трёх его товарищей (заместителей), представлявших «все четыре наиболее многочисленные национальности Украины». Соответственно генеральным секретарём по национальным делам становился украинец, а три его товарища подбирались из великороссов, поляков и евреев (на заседаниях Генерального секретариата они имели право совещательного, а по вопросам своей национальности — решающего голоса). После издания III универсала Центральной рады, провозгласившего лозунг национально-персональной автономии, представители евреев, поляков и великороссов получили статус ге-

³ Христюк П. Замітки і матеріали до історії української революції 1917—1920 рр. Т. III. Відень, 1921. С. 70—71.

⁴ Грищенко А. Спектр основних політичних сил в Україні періоду Гетьманату (1918 р.) // Студії з архівної справи та документознавства. 1999. Т. 5. С. 27; Солдатенко В.Ф. Українська революція: концепція та історіографія (1918—1920 рр.). Київ, 1999. С. 188; Крушина В.О. «Білі» сили як чинник активізації політичної боротьби в українській державі (1918 р.) // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. Збірник статей. Вип. 7. Київ, 2004. С. 227.

неральных секретарей и вошли в состав Генерального секретариата в качестве полноправных членов⁵.

19 октября генеральным секретарём по великорусским делам стал принадлежавший к Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП) историк Д.М. Одинец, впоследствии вспоминавший, что переехал он из Петрограда в Киев по заданию Временного правительства «в целях защиты русских людей от возможного проявления украинского шовинизма»⁶. Различные структурные подразделения ведомства возглавили преимущественно деятели левых общероссийских партий, например, директором Департамента общих дел стал эсер А.Н. Зарубин, одним из его отделов заведовал меньшевик А.К. Елачич⁷.

9 января 1918 г. Центральная рада приняла закон о национально-персональной автономии, согласно которому меньшинствам предоставлялось право создавать союзы для отстаивания своих интересов в учреждениях УНР и ведения именных списков (каждый гражданин мог требовать своего включения в них или, наоборот, исключения). Финансировать эту работу предполагалось из бюджета УНР и органов местного самоуправления соразмерно численности каждого союза. Впоследствии планировалось созвать национальные учредительные собрания — высшие представительные органы соответствующих союзов, избранные всеми внесёнными в их списки гражданами УНР старше 20 лет на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования по принципу пропорционального представительства. Затем они формировали бы исполнительный орган — Национальную раду⁸.

Тогда же, в январе 1918 г., после провозглашения независимости УНР, секретариат по великорусским делам преобразовали в министерство. В течение весны оно находилось в процессе организации, и к концу апреля его структура состояла из департаментов общих дел (в него входили канцелярия и отделы — информационный, текущего законодательства, статистический, национально-персональной автономии, бухгалтерский, хозяйственный и помощи, делившийся на подотделы — эвакуационный, питательный, медико-санитарный, призрения трудоспособных) и народного просвещения (отделы — искусств и книжный). Всего в ведомстве, располагавшемся в одном из номеров Большой Славянской гостиницы (Бассейная улица, д. 1), работали 155 служащих⁹.

Министерству поручалось координировать деятельность местных великорусских органов самоуправления (общинных советов и их союзов) и со временем провести выборы в Великорусское учредительное собрание на Украине, после чего министерские отделы выполняли бы контролирующие функции. Но прежде следовало провести перепись населения и составить «национальный кадастр» (списки избирателей данной национальности). Осуществить её хотели сначала в крупнейших городах (Киеве, Харькове, Екатеринославе, Одессе, Херсоне, Николаеве, Полтаве, Чернигове, Каменец-Подольске и Виннице), но на это требовалось около 1,2 млн руб., а чтобы охватить ею всю Украину —

⁵ Центральный державний архів вищих органів влади та управління України (далее — ЦДАВО України), ф. 1126, оп. 1, д. 6, л. 4—4 об.

⁶ Историк русского зарубежья: Дмитрий Одинец // Гасырлар Авазы — Эхо веков. 1999. № 1/2. С. 144.

⁷ Организация министерства // Русский голос. 1918. 14(1) апреля. № 1. С. 4.

⁸ Українська Центральна рада: документи і матеріали. Т. 2. Київ, 1997. С. 99—101.

⁹ ЦДАВО України, ф. 1126, оп. 1, д. 6, л. 4 об., 10; Генеральное секретарство по великорусским делам // Киевлянин. 1917. 16 декабря. № 276. С. 1.

5 млн руб. А поскольку деньги отсутствовали, в ожидании их отпуска ведомство занималось подготовительными работами.

Кроме того, поскольку из-за демобилизации армии на территории УНР оказалось множество уроженцев великорусских губерний, министерство приняло на себя заботу об их эвакуации в Россию, отправив туда за полгода 40 эшелонов с демобилизованными военнослужащими и 12 санитарных поездов с ранеными, больными, инвалидами, женщинами и детьми (из одного Киева выехало свыше 86 тыс.). Для демобилизованных устраивались пункты питания, на которых сотрудники министерства выдали свыше 30 тыс. обедов и 15 тыс. порций чая; в амбулатории приняли 250 пациентов. Тем, кто вынужден был остаться на Украине, старались помочь: выдавались справки, возбуждались ходатайства о неправомерных арестах великороссов, необоснованном выселении их из занимаемых квартир или увольнении со службы, безработных пытались устроить в специально организованные мастерские; создавались детские приюты и богадельни.

Министерство намеревалось взять на себя руководство русскими школами, включая музыкальные и театральные, театрами (драмой и оперой), библиотеками. Исследовался национальный состав учащихся, выяснялись пожелания родителей относительно языка преподавания, определялась потребность в учебниках и пособиях. Одна из основных проблем заключалась в том, что более чем в 90% школ Украины велось преподавание на русском языке, но в проекте нового школьного бюджета русским учебным заведениям выделялось финансирование, соответствовавшее процентной доле великороссов, при этом они лишались чуть ли не $\frac{9}{10}$ зданий и имущества. Улучшить это положение, по мнению сотрудников ведомства, должно было, «с одной стороны, развитие частного школьного строительства, с другой — создание национального фонда, который путём крайнего напряжения платёжных сил великорусской части населения Украины дал бы возможность хоть отчасти поддержать очаги русской культуры на Украине». Но пока этих средств не было, чиновники вели переговоры с организациями учителей и родительскими комитетами, ходатайствовали об увеличении числа школьных инструкторов и т.п.¹⁰

Министерство по делам великороссов являлось сугубо бюрократической структурой, но ещё летом—осенью 1917 г., когда началось создание воинских частей по национальному признаку, в армии и на флоте стали появляться великорусские общественные организации. В Москве в конце 1917 г. группой лиц, примыкавших к ТНСП, вместе с деятелями кооперации был создан «Великорусский союз», начала выходить газета «Великоросс». В Киеве в ночь на 1 января 1918 г. старший техник Т.С. Ляпин, служивший в управлении гидротехнических работ армий Юго-Западного фронта, расклеил воззвания с призывом к великороссам объединяться и создавать местные, уездные, губернские и областные веча¹¹. В газетах появилось обращение Организационной группы великороссов (Т.С. Ляпин, И.И. Гапонов, поручик В.А. Шишкин), призывавшее всех великороссов, живших на Украине, записываться в её ряды¹². 5 января на собрании был принят устав «Организации великороссов на Украине», согласно

¹⁰ ЦДАВО України, ф. 1126, оп. 1, д. 6, л. 5 об.—10.

¹¹ Ляпин Т.С. Русское национальное движение, его источники и задачи // Голос Киева. 1918. 5 мая (22 апреля). № 18. С. 3.

¹² Великоорусское вече // Киевская мысль. 1918. 5 января. № 4. С. 1.

которому она принимала на себя «обязанности по защите интересов граждан великорусской народности на территории Украины на началах свободного неограниченного самоопределения этой народности». Состоять в ней могли все лица русского происхождения, вне зависимости от партийной принадлежности. Она собиралась наладить «1) организацию представительных органов великорусской народности; 2) охрану великорусской культуры и прав великорусского языка на Украине; 3) охрану политических, гражданских и служебных прав великоруссов от возможных ограничений этих прав; 4) демократизацию русской культуры среди великоруссов на Украине путём развития просветительной деятельности; 5) охрану добрых отношений между великорусскими и другими национальностями путём организованного вмешательства; 6) поддержку культурной связи со всеми великоруссами независимо от их местопребывания». Во Временный совет организации вошли Т.С. Ляпин, И.И. Гапонов, М.М. Попов, М.М. Сухогин, П.В. Самохвалов, И.И. Щербинский и В.Н. Свирелин. Её лидеры утверждали, что только за первую неделю к ним присоединилось до 10 тыс. человек из различных партий и группировок¹³. Тем временем слушательницы Высших женских курсов создали женскую великорусскую организацию¹⁴. 17 января 1918 г. в помещении Киевского университета состоялось первое собрание великоруссов Киева, заинтересовавшее, по словам Ляпина, «необычайно большое количество публики и прошедшее с подъёмом, напоминающим времена Минина и Пожарского»¹⁵.

Но несмотря на столь бодрые отчёты и заявления, было очевидно, что звучащие в них цифры сильно завышены, а большая часть коренного населения Киева восприняла «великорусское движение» равнодушно. Украинцы даже иронизировали по поводу того, что на нужды бедствующих великоруссов удалось собрать всего около тысячи карбованцев, хотя «кто-то насчитывает в Киеве 60% великоруссов»¹⁶.

Действительно, согласно переписи, проведённой в начале осени 1917 г., в городе проживали 231 403 русских (50,26% жителей), 56 225 украинцев (12,21%), 20 567 малороссов (4,47%), 1 895 белорусов (0,41%) и 1 480 русинов (0,32%)¹⁷. Национальность указывалась на основании показаний самих опрошенных. При этом в число «русских» записывали как великоруссов, так и тех малороссов, которые сочли общерусскую идентичность более важной. Характерно, что 71,9% киевских русских родились в пределах губерний, вошедших в состав Украины¹⁸, и очевидно, что значительную часть из них составляли именно малороссы, а также те киевляне, которые считали себя просто русскими, без причисления к тому или иному региональному субэтносу.

Между тем по законам УНР ни русские, ни малороссы, несмотря на своё самоопределение, никакой национально-персональной автономии не получали — она доставалась только «великороссам». В Министерство по великорусским делам обращались как отдельные лица, так и целые группы, называвшие

¹³ Великорусское движение на Украине // Последние новости. 1918. 11 января. № 4867. С. 4.

¹⁴ Среди курсисток-великоруссок // Киевлянин. 1918. 12 января. № 9. С. 1.

¹⁵ Ляпин Т.С. Указ. соч. С. 3.

¹⁶ У великоруському міністерстві // Нова рада. 1918. 3 квітня (21 березня). № 48. С. 2.

¹⁷ Статистический бюллетень по городу Киеву. Январь—февраль—март 1918 г. Вып. 1. Киев, 1918. С. 8—9.

¹⁸ Результаты предварительного подсчёта населения г. Киева по месту рождения // Киевские городские известия. 1918. 4 октября. № 19. Стб. 73.

себя малороссами и сообщавшие о нарушении своих прав и интересов, но им отвечали, что их защита не входит в компетенцию ведомства¹⁹. Доходило до того, что в школьной анкете украинские власти записывали всех, самоопределившихся как малороссы, в украинцы²⁰. Юридически в УНР ни русских, ни малороссов не существовало и существовать не могло.

Указывая на это, Е.Г. Шульгина, жена лидера киевских русских националистов В.В. Шульгина, писала: «В самом деле, кто такое великоросс? Выходец из Великороссии, т.е. в настоящее время некто совершенно чужой, пришелец, никаких корней на Украине не имеющий. Вчера, быть может, он пришёл и может завтра уйти... А русский? Русский ведь мог очутиться здесь, никогда сюда не приходя, а всегда здесь пребывая, и у него может не быть поводов и причин отсюда удалиться. Ещё так недавно здесь была Россия и потому каждый местный уроженец мог прежде всего определять себя русским. С какой стати человек, здесь родившийся от отцов и дедов, здесь же работавших, будет называть и считать себя “великороссом”? Великоросс есть понятие, так сказать, провинциальное, относящееся к определённой количеству губерний бывшего Российского государства. Ни сибиряк, ни пермяк, ни донской казак — великороссами себя в этом смысле не называют». Тем самым использование термина «великоросс» сужало и искажало свободу самоопределения, заставляя коренных уроженцев называть себя пришельцами извне²¹. Кроме того, нарушался зафиксированный в законе принцип, ведь «если бы в Украинской народной республике нашлось десять тысяч граждан, которым вдруг вздумалось бы самоопределиваться, назвав себя китайцами, готтентотами или папуасами, то — по смыслу и букве закона — никто им в этом помешать не мог бы, и государству пришлось бы считаться с внезапно объявившимися китайцами, готтентотами или папуасами». Но на миллионы русских, проживавших на Украине, это правило не распространялось²².

Шульгина также напоминала, что «по переписи, произведённой в Киеве, более 20 000 граждан определили себя малороссами. Малороссия — это то название нашего края, которое было принято в Русском государстве. Малороссы — это те коренные уроженцы и жители Юга России, которые никоим образом в великороссов, т.е. в пришельцев из Великороссии, обращены быть не могут, так как они себя назвали даже не русскими, а именно малороссами, подчёркивая этим своё местное происхождение и ориентацию. Малороссы — это те “украинцы”, которые отличаются от украинцев без кавычек тем, что они ощущают свою национальную связь с остальной Россией, с одной стороны, а с другой — считают общерусскую культуру своей родной, неотъемлемой культурой. Это “украинцы” Богдана Хмельницкого, с одной стороны, и Николая Гоголя — с другой». Именно они попали в УНР в наиболее угнетённое положение, поскольку великороссы всё же имели, хотя бы формально, и «своё» государство — Советскую Россию, и защищавшее их министерство. Малороссов же (как и русских в целом) лишили даже права на самоназвание. Тем самым, заключала Шульгина, созданное на основе «свободы самоопределения» народностей украинское государство, переименовывая русских в великороссов и вовсе

¹⁹ О малороссах // Киевская мысль. 1918. 14 января. № 11. С. 2—3.

²⁰ Грушевский С.Г. Национальный состав населения г. Киева // Малая Русь. 1918. Вып. 3. С. 55.

²¹ Алексеев Е. [Шульгина Е.Г.] Русский вопрос. II // Голос Киева. 1918. 17(4) апреля. № 2. С. 1.

²² Алексеев Е. [Шульгина Е.Г.] Русский вопрос. I // Голос Киева. 1918. 14(1) апреля. № 1. С. 1.

игнорируя малороссов, «рубит тот сук, который его так недавно поддерживал и продолжает поддерживать». В этой ситуации обделённым национальным группам оставалось лишь начать легальную борьбу за точное исполнение законов УНР: «Русские имеют полное право требовать, чтобы Великорусский секретариат был переименован в Русский секретариат, чтобы национально-персональная автономия была дана именно русскому, а не великорусскому народу, ибо термин русский обнимает собою и русских в тесном смысле слова великороссов, и малороссов»²³.

Выразителем интересов малороссов выступил Внепартийный блок русских избирателей (ВБРИ) во главе с Шульгиным, созданный на базе Киевского клуба прогрессивных русских националистов и ряда более мелких организаций. В январе 1918 г. во время выборов в Учредительное собрание УНР он победил на большинстве избирательных участков Киева²⁴. При этом «шульгинцы» настойчиво отмечали, что круг кандидатов, выдвинутый ВБРИ, «никогда великорусским списком не был — это список русский и по преимуществу малорусский»²⁵. Успех Шульгина на выборах со всей очевидностью показывал, что малороссов в Киеве проживало намного больше тех 4,5%, которые насчитали при переписи.

Фактически в Киеве начала 1918 г. разделение на «великороссов» и «малороссов» было не столько этнографическим и региональным, сколько партийно-политическим. Человек, согласившийся назвать себя «великороссом», тем самым показывал, что он — левый, социалист, демократ, сторонник федерализма, признающий правомочность украинского движения и выступающий лишь против его националистических крайностей. Те же, кто позиционировал себя «малороссами», своим самоназванием заявляли, что они — правые, консерваторы, монархисты, русские националисты и противники украинства как такового. Конечно, встречались и исключения — и среди «великороссов» попадались правые, и среди «малороссов» — сторонники социализма, но они скорее подтверждали общее правило. «Великороссы» соглашались на роль «национального меньшинства» (многие из них или уезжали с Украины, или собирались уехать в будущем), «малороссы» же, не отрицая возможности легальной борьбы в УНР, напротив, полагали, что «украинцы» — это не народ, а изменившая ему политическая партия. «Великороссы» группировались вокруг «своего» министерства, «Организации великороссов на Украине» и левых общероссийских партий (в первую очередь народных социалистов, в меньшей степени — меньшевиков и эсеров), «малороссы» — вокруг ВБРИ и его фракции в киевской городской думе. Отношение украинских властей к организациям «великороссов» и «малороссов» было соответствующим: с первыми обращались в целом вежливо, пусть и с долей снисхождения, вторых старались не замечать. Возможно, лишь присутствие немцев мешало перейти к открытым репрессиям против «шульгинской» группы.

Неудивительно, что у «великороссов» имелись связи во властных кругах и широкие возможности для легальной работы, но не было поддержки киев-

²³ Алексеев Е. [Шульгина Е.Г.] Русский вопрос. II. С. 1.

²⁴ Подробнее см.: Чемакин А.А. Русские националисты и электоральная борьба в Киеве в условиях революции и гражданской войны (1917—1919) // Российская история. 2019. № 5. С. 132—158.

²⁵ Среди газет // Киевлянин. 1918. 12 января. № 9. С. 3.

лян (на выборах в Учредительное собрание УНР кадеты, меньшевики, эсеры и энесы вместе взятые получили немногим более 11%, тогда как ВБРИ — почти 30% голосов²⁶). «Малороссы» пользовались большой популярностью, но конфликтовали с властями, а после того, как Шульгин, не желавший сотрудничать с немецкими оккупантами, демонстративно закрыл «Киевлянин», лишились собственного печатного органа и до середины апреля оставались без своей газеты (затем их рупором стал «Голос Киева»).

Весной 1918 г., после изгнания большевиков и занятия Украины немцами, в Киеве сложилась весьма напряжённая обстановка. Национальные страсти бурлили, доходило даже до того, что украинские военные арестовывали в кофейне на Думской площади тех, кто вёл разговоры на русском языке²⁷. Министерство по великорусским делам, несмотря на то, что оно являлось правительственным учреждением, позволяло себе, пусть и в осторожной форме, делать критические заявления. «Хотя формально Рада стоит на платформе 3 и 4 универсалов, на платформе “государства национальностей”, а не “национального государства”, — говорилось в его официальном бюллетене, — однако в действительности мы присутствуем при проявлениях национализма. Естественное и вполне законное озлобление против большевиков-воителей и разорителей страны переносится в разнообразных украинских кругах на национальные меньшинства и особенно на русское, заподозряемое в солидарности с большевизмом, и на еврейское»²⁸.

Становилось понятно, что для более продуктивной деятельности «великороссам» и «малороссам» следовало объединиться в «общерусской» организации. Кадеты, поддерживавшие отношения и с теми, и с другими, стали посредниками. На первых порах интерес к созданию новой структуры проявляли даже меньшевики и эсеры, понимавшие, что и в Киеве, и на Украине в целом происходит процесс национальной дифференциации. Если летом 1917 г. на выборах в городскую думу за «межнациональные» списки голосовало более 50% киевлян, то к январю 1918 г. — лишь чуть более 20%. Подавляющая же часть их сторонников ушла к националистам — русским, украинским, еврейским, польским²⁹. Если бы эти тенденции получили развитие, общероссийские левые партии вскоре могли и вовсе остаться без электората. А так как в украинском или еврейском лагере их никто не ждал (там были собственные социалистические партии), меньшевики и эсеры решили попробовать внедриться в русское движение, сохраняя, правда, приверженность своим доктринам. В результате было решено создать внепартийное объединение на базе «Организации великороссов на Украине», которая возобновила работу после изгнания из Киева большевиков и занималась переработкой своего устава, надеясь выйти за «этнографические» рамки и открыть доступ в свои ряды не только «для русских по происхождению», но и «для тех, кто самоопределяет себя русским и считает русский язык и русскую культуру своими родными независимо от своего происхождения»³⁰.

²⁶ ЦДАВО України, ф. 1133, оп. 1, д. 53, л. 25 об.—26.

²⁷ Заявление министра по великорусским делам // Киевская мысль. 1918. 6 апреля (24 марта). № 43. С. 1.

²⁸ Лукин А. Национальные проблемы (Сводка к 29 марта) // Бюллетень Народного министерства по великорусским делам Украинской Народной Республики. 1918. 1 апреля. № 1. С. 2.

²⁹ Результаты киевской переписи // Киевская мысль. 1918. 2 апреля (20 марта). № 39. С. 3.

³⁰ Ляпин Т.С. Указ. соч. С. 3.

Важную, а возможно и ключевую, роль в наметившемся сближении сыграл 33-летний присяжный поверенный, член московского городского комитета Партии народной свободы (ПНС) Евгений Амвросиевич Ефимовский. Окончив историко-филологический, а затем юридический факультеты Московского университета и будучи во время учёбы председателем студенческой кадетской фракции³¹, он принадлежал к правому крылу партии, являлся искренним сторонником конституционной монархии и активно участвовал в славянском движении. Оказавшись после развала фронта в Киеве, Ефимовский погрузился в местную общественную жизнь и впоследствии вспоминал: «Киев захватил меня и активной национально-политической борьбой. Она была для меня чрезвычайно сложной: по отцовской линии я — орловский потомственный дворянин; по материнской — черниговский казак-земледелец; родился и кончил гимназию в Елисаветграде Херсонской губернии; университет — в Москве, и адвокатом был московским. Извольте определить меня с точки зрения “ипостаси”: кто я? — Великоросс или малоросс? Я сам не чувствовал себя ни “кацапом”, ни “хохлому”, а просто — русским. По лекциям Ключевского я знал, что с точки зрения этнологической малороссы более русские, чем сами великороссы. Но в Москве я чувствовал себя больше дома, чем в Киеве, и это при том условии, что я Киев обожал, а Москву любил»³². Однажды ему довелось посетить собрание «великороссов»: «Прихожу. Большая аудитория полна до отказа. Публика — разношёрстная. Начинаются “великоросские прения”. В них врывается громкий голос: “Мы не кацапы; мы — русские!” — Гром аплодисментов»³³. Примерно тогда и возникла инициативная группа политиков разных взглядов, решивших образовать Русский союз на Украине «для удовлетворения культурных нужд и защиты правовых и экономических интересов русских граждан в пределах Украины»³⁴.

24 февраля (9 марта) 1918 г. под председательством министра по великорусским делам Д.М. Одинца состоялось совещание, на котором присутствовали А.Н. Зарубин, В.А. Смирнов, П.К. Соколов, А.В. Башинский, И.Н. Алексеев, П.Г. Антонец, В.К. Калачевский, Е.А. Ефимовский, М.М. Сухотин и др., преимущественно — социалисты и кадеты. Формально обсуждалась организация «великорусской общины», но фактически речь шла о создании нового союза с участием «малороссов». Некоторые эсеры и меньшевики, признавая необходимость выхода за «великорусские» рамки, считали всё же сотрудничество с «шульгинской» группой опасным. Так, например, меньшевик Алексеев говорил, что «необходимо отделить от себя “малороссов”, так как задачи разные». Глава Киевского военно-республиканского союза Башинский также выступал против сотрудничества с «малороссами», в которых он видел противников идеи самоопределения, и утверждал: «Слова “мы малороссы” — это вызов украинцам, это не в наших интересах. Поэтому нам не по пути. И не следует бояться разрыва с малороссами, ибо это чистые “шульгинцы”. По их пути — пути реставрации, нельзя идти. Необходимо организовать “русский национально-украинский союз”, преследующий наряду с прочими целями объединение с

³¹ ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 317, д. 334, л. 2, 18, 28; *Ефимовский Е.А.* Встречи на жизненном пути. Париж, 1994. С. 24—25.

³² *Ефимовский Е.* В русском Киеве в 1918 году. Политические силуэты (Отрезок времени) // Возрождение. 1958. № 78. С. 129.

³³ Там же. С. 130.

³⁴ Русский союз на Украине // Киевская мысль. 1918. 22(9) марта. № 31. С. 3.

украинской демократией». К противникам объединения с «малороссами» присоединился и эсер Зарубин³⁵.

Вместе с тем меньшевик Смирнов заявлял, что не следует из политических соображений отталкивать «значительную часть людей, родившихся на Украине, но признающих русскую культуру». А Соколов доказывал, что не все малороссы являются «шульгинцами»: «Эти элементы просто далеки от шовинистической политики Генерального секретариата. Эту часть населения не следует отбрасывать от себя. Очень многие, будучи украинцами по происхождению, не могут примириться с последними событиями и нравственно не могут стать украинскими подданными. К этому вопросу нужно отнестись осторожно и не отмахиваться от этой значительной группы». Народный социалист Антонец не видел смысла бояться малороссов, входящих в организацию персонально, и допускал возможность альянса с «шульгинцами» даже в некоторых политических делах. Ефимовский настаивал на объединении с малороссами, «дабы не передавать их “шульгинцам”»³⁶.

Наименование организации также вызывало споры. Левые опасались, как бы выражение «Русский союз» не отпугнуло рабочих. Одинец же полагал, что данный вариант «производит впечатление правильного названия, ибо Великобритания — территориальный, а не культурный термин. Ни сибиряки, ни поморы не назовут себя великороссами, а только русскими». И если «в анкете, произведённой школьной радой, есть указание, что именующие себя русскими — великороссы, а малороссами — украинцы», то учреждаемый союз «должен оказывать защиту всем, называющим себя русскими». Министр обещал привлекать членов организации к работе своего ведомства, назвать же её предложил «Союзом по защите и развитию русской культуры на Украине», лишив тем самым всякого политического характера. Ефимовский и Сухотин возражали против этого, а Башинский констатировал, что «текущий момент требует другой организации», особенно если она желает привлечь массы³⁷.

К составлению устава союза эсер Зарубин предлагал привлечь представителей профсоюзов и заводских комитетов великороссов, что позволило бы заручиться поддержкой масс. Но Ефимовский напомнил, что устав уже выработан и принят, и присутствующим нужно немедленно дать согласие на вхождение в совет. Впрочем, как отмечали Сухотин и Соколов, впоследствии учредительные документы можно было пересмотреть с участием общественно-политических и профсоюзных деятелей. По мнению Одинца, прежде всего требовалось сформировать Временный совет, и участники встречи тут же наметили список кандидатов для баллотировки³⁸.

В итоге было решено связаться с «малороссами», принять название «Русский союз на Украине», а на ближайшем же собрании утвердить устав и избрать Временный совет. Зарубин, Башинский и те представители левых групп, чьи мнения не учитывались, войти в руководство РСНУ отказались. «Малорусская» же группа, приглашённая в его состав, к нему присоединилась. Но, понимая, что меньшевики и эсеры, выразившие готовность сотрудничать с «малороссами», подвергнутся нападкам со стороны своих однопартийцев,

³⁵ ЦДАВО України, ф. 1126, оп. 1, д. 3, л. 1—2 об.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

Шульгин и его жена, «стараясь облегчить их положение, не вошли в члены этого союза»³⁹. Вместо этого ВБРИ делегировал в РСНУ профессоров А.Д. Билимовича и П.М. Богаевского.

25 февраля (10 марта) 1918 г. в аудитории Киевского университета состоялось заседание учредителей РСНУ. Устав, принятый ими, очерчивал задачи союза: «а) объединение и организация живущих в пределах Украины русских, как уроженцев великорусских губерний и других частей России, так и уроженцев Украины, но признающих себя принадлежащими к русской народности и сознающих себя носителями общерусской культуры; б) охрана национальных прав русских на Украине и создание представительного органа от русского населения на Украине; в) защита русских культурных интересов и развитие общерусской культуры на Украине»⁴⁰. На этом же собрании избрали Временный совет РСНУ (националисты А.Д. Билимович и П.М. Богаевский, кадеты А.В. Жекулина, С.Г. Крупнов и С.Н. Луначарская, энесы П.Г. Антоневич и В.К. Калачевский, эсер П.И. Незлобин, меньшевик И.Н. Алексеев, «великоросс» Т.С. Ляпин, а также Т.А. Каменев, В.И. Селинов, П.К. Соколов и профессор Е.В. Спекторский) и его президиум (председатель — кадет Е.А. Ефимовский, члены — меньшевики В.А. Смирнов и А.К. Елачич, «великоросс» М.М. Сухотин и В.В. Буверт)⁴¹.

Одобренное на том же заседании воззвание РСНУ звучало весьма «прогрессивно»: «Русский союз на Украине (образовавшийся на этих днях) зовёт в свои ряды всех граждан русских по происхождению, а также всех, самоопределивших себя русскими и считающих русский язык и культуру своими родными, независимо от своего происхождения. Одним из главных ценных благ, достижения коих добивалась революция, было помимо раскрепощения личности и раскрепощение угнетённых народностей. Революция сокрушила оковы и дала всем народностям, в том числе украинской, возможность свободно развиваться. На Украине создаются новые государственные формы и одной из их основ объявлено равенство народов, населяющих Украину. К сожалению, идеал национального равенства далеко не воплощается в жизнь. Первейшей задачей Союза является всемерное содействие проведению в жизнь начал национального равенства. Исповедуя братство народов, уважая и ценя каждую национальную культуру, не преследуя никаких наступательных целей, не посягая ни на чьи права, Союз вместе с тем будет твёрдо стоять на страже национальных прав русских на Украине и прав русского языка. Другой задачей Союза является объединение всех русских на почве удовлетворения культурно-просветительных нужд и поддержания всех русских начинаний и в их числе прежде всего науки, школы, искусства, печати. Переустройство национально-политических и экономических отношений на Украине неизбежно затрагивает правовые и экономические интересы русских как таковых. Защита таких интересов, в частности, поддержка обездоленных, приискание работы безработным, входит в круг задач Русского союза. Для осуществления всех указанных целей Союза образуется Русский национальный фонд»⁴².

³⁹ Шульгина Е.Г. Конспект моих политических переживаний (1903—1922) / Публ. А.А. Чемакина. М., 2019. С. 278.

⁴⁰ Союз великороссов // Последние новости. 1918. 25 февраля (10 марта). № 4923. С. 4.

⁴¹ ГА РФ, ф. 1834, оп. 2, д. 708, л. 1; Русский союз на Украине // Киевская мысль. 1918. 22(9) марта. № 31. С. 3.

⁴² ГА РФ, ф. 1834, оп. 2, д. 708, л. 1.

13(26) марта в Коммерческом институте прошло первое торжественное публичное заседание РСНУ. По сведениям «Киевской мысли», оно привлекло массу народа, задолго до открытия «все лестницы и коридоры были заполнены публикой, не вместившейся в актовом зале, и на хорах, и у входа в институт со стороны Бибиковского бульвара, и по Нестеровской улице долго стояли массы не попавших»⁴³. Как отмечал корреспондент одной из московских газет, «в противоположность большинству однородных собраний в Москве здесь собрались далеко не одни интеллигенты: были мещане, рабочие, крестьяне». Некоторые из выступавших вновь заговорили о названии, которое казалось им слишком похожим на «союз истинно-русских людей» (т.е. черносотенцев). Но большую часть собравшихся это не смущало. Гораздо более болезненно ими воспринималось то, что «мы слишком долго стыдились называть себя русскими и дожили до неслыханного национального позора»⁴⁴. Собрание открыл Ефимовский, после него выступили Одинец, Елачич и украинский социалист-федералист В.Я. Зелинский. Восхваляя национальные свободы, установленные украинскими законами, Одинец заявил, что РСНУ не должен иметь ничего общего с Союзом русского народа. Однако, когда Зелинский начал говорить по-украински, из зала раздались голоса: «Говорите по-русски!.. Не надо украинского!.. Не понимаем!.. Хотя бы здесь не говорили по-украински!». Вскоре порядок восстановили, и Зелинский продолжил свою речь, примирительно заметив, что «он понимает болезненную напряжённость русского национального чувства», так как «сейчас только русские могут понять украинцев, терпевших гонение на свой язык». Закончил он словами, вызвавшими овацию: «Мы никогда не расстанемся со старшим братом, пусть вам не кажется, что история сказала своё последнее слово»⁴⁵. Всё это показалось, видимо, слишком комплиментарным по отношению к «Русскому союзу», и вскоре городской комитет Украинской партии социалистов-федералистов (УПСФ) отмежевался от оратора (назвав его почему-то Зименским) и опроверг его принадлежность к их организации⁴⁶.

Историк Елачич на том же заседании пытался объяснить, почему он и другие демократы и социалисты вошли в РСНУ вместе с правыми: «Нас разделяет целая пропасть в области социальных и политических воззрений, но у нас есть общее — язык и потребность отстаивать национальные права». Complimentарно отзываясь об украинской культуре, он заявлял, что «Украина есть страна всех живущих на Украине, а не только для украинцев», и с лёгкой грустью обращался к недавнему прошлому: «Я помню медовый месяц революции, когда я рука об руку работал с украинскими деятелями, когда я радостно изучал украинский язык. Но сейчас, когда нам его навязывают, мы заявляем: “Раз нас заставляют, мы учиться не будем!”». Тем не менее он по-прежнему верил в то, что «борьба за вашу и нашу свободу ещё впереди»⁴⁷.

Реакция украинских деятелей на создание РСНУ была предсказуемо негативной. «Робітнича газета» украинских социал-демократов с тревогой отмечала, что рост русского национализма не ограничивается кругами «киевлянинскими» и кадетскими: «Оказывается, российский с.-д. (В.А. Смирнов, гласный думы,

⁴³ Открытие «Русского союза на Украине» // Киевская мысль. 1918. 28(15) марта. № 36. С. 1.

⁴⁴ Хмелев Н. О киевских настроениях // Свобода России. 1918. 17(4) апреля. № 6. С. 1.

⁴⁵ Открытие «Русского союза на Украине». С. 1.

⁴⁶ Чи соц[іаліст]-федер[аліст] п[ан] Зіменський? // Нова рада. 1918. 2 квітня (20 березня). № 47. С. 3.

⁴⁷ Открытие «Русского союза на Украине». С. 1.

бывший член Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов) вместе с кадетами и сотрудниками “Киевлянина” в новооснованном “русском” союзе собираются защищать права русских и внедрять равенство наций»⁴⁸. Украинская громада студентов Киевского университета грозилась противодействовать РСНУ и отстаивать украинизацию учебного заведения⁴⁹. Министр судебных дел УНР С.П. Шелухин, полагавший, что «Московия усвоила себе наше украинское книжное имя Руси» и сделала его «казённым», критиковал название новой организации: «На имя русских давно уже заявили свою монополию великорусские националисты и все русификаторы. Под русским давно уже в общественности и политике понимается только великорусское. “Русский союз”, как национальная организация, это не что иное, как союз великорусских националистов и русификаторов. Если этот союз хочет представлять из себя что-то иное, то и название себе он должен взять какое-нибудь другое»⁵⁰.

Социалисты-федералисты, члены одной из самых умеренных партий, не сомневались в праве русских на Украине заботиться о своей защите, но не считали, что происходит их «систематическое угнетение»⁵¹. Правда, в том, что теперь «волки из “Киевлянина” почивают вместе с социал-демократическими козличами», лидер УПСФ С.А. Ефремов видел результат политики крайних украинских партий: «Наша Христюковско-Ткаченковская курица снесла вот это Елачиче-Одинцовское яйцо»⁵². Елачич, оправдываясь, обратился к Ефремову с открытым письмом, в котором отверг упреки в «великорусском национализме». Так, он напомнил, что речь Одинца, выступавшего перед РСНУ в качестве гостя, «была выдержана в строго объективных и мягких и чуждых национализму тонах». Сам Елачич, как историк-марксист, не разделял представлений о триедином русском народе, а в 1915 г. публично выступал в защиту украинского языка. При этом цели и задачи РСНУ вовсе не казались ему агрессивными или препятствующими общей творческой работе с украинцами⁵³. Ефремов же в ответной статье, признавая чистоту намерений Одинца и Елачича, охарактеризовал создание «Русского союза» как «факт возрождения русского воинствующего национализма», совершившегося без всякой необходимости (при наличии специального министерства и закона про национально-персональную автономию) и широко раскрывшего двери перед «той аморфной черносотенщиной, которая прячется, например, под термином “русских избирателей”. Что же может из такого “союза” выйти? А то, что он непременно должен стать пристанищем для черносотенной обывательщины, поскольку более сознательные элементы разошлись и группируются по политическим партиям и в “союз” не пойдут»⁵⁴.

Социалистическая «Киевская мысль» также осудила создание РСНУ. По мнению редакции, его цели были «идеально прекрасны», но для их реализации требовались иные формы: «Поскольку речь идёт и должна идти о поли-

⁴⁸ На два фронта // Робітничка газета. 1918. 23 березня. № 254. С. 1.

⁴⁹ Збори «Громади» студентів ун[іверситету] св[ятого] Володимира // Відродження. 1918. 9 квітня (27 березня). № 11. С. 3.

⁵⁰ Шелухин С. Українське й руське // Нова рада. 1918. 13 квітня (31 березня). № 57. С. 1—2.

⁵¹ Російська терпимість // Нова рада. 1918. 7 квітня (25 березня). № 52. С. 2.

⁵² Ефремов С. Дві безодні // Нова рада. 1918. 31(18) березня. № 46. С. 1.

⁵³ Елачич О. Відкритий лист до С.О. Ефремова // Нова рада. 1918. 20 квітня (28 березня). № 54. С. 1.

⁵⁴ Ефремов С. Гальванізація трупа // Нова рада. 1918. 20 квітня (28 березня). № 54. С. 1—2.

тической борьбе за национальное равноправие и против национального угнетения, эту задачу выполняют и особенно энергично должны теперь выполнять политические партии и, прежде всего, демократия русская, по этим партиям распределяющаяся. Поскольку речь шла бы об удовлетворении культурно-национальных нужд русского населения, это могло бы войти в задачу русской общины. Но “русский союз” — не община, это — национально-политическое общество»⁵⁵. В газете, опасавшейся отказа от организованной классовой борьбы и заключения союза «между русским социалистом и недавним вдохновителем дела Бейлиса», обратили внимание на крики в адрес Зелинского: «Конечно, не демократы, не подлинные демократы гнали с трибуны украинца-оратора, а группы и группки из того слоя киевского населения, который господствовал в Киеве до революции. Это они составляли правящую клику, дававшую своих представителей в щегловитовский суд, в профессию, едва ли не самую реакционную в России, в канцелярии, словом, в тот аппарат управления, который угнетал разноплеменное киевское население, душил малейшее проявление свободной политической жизни и малейшее проявление свободной национальной жизни. Не нужно забывать, что эти кадры не испарились за год революции, не нужно забывать, что на выборах в Украинское Учредительное собрание список г. Шульгина шёл на первом месте»⁵⁶. Сотрудничество в РСНУ социал-демократов и правых казалось публицистам «Киевской мысли» неестественным. «Мы спрашиваем: как понимают “национальные права”, напр[имер], г. Елачич и гг. Билимович и Богаевский?.., — недоумевали они. — Можно опасаться, что в “русском союзе” “мёртвые” схватят “живых”. Это будет уроном для демократии. Но это будет также ударом по охране действительно национальных прав русского населения, ибо нет более тяжкого удара для национальности, как расцвет в ней националистических стремлений, как нарастание в ней национальной реакции. В отстаивании прав русской национальности русская демократия не должна сойти с пути демократического национализма, на котором у неё едва ли много найдётся общего с “Внепартийной группой русских избирателей”»⁵⁷.

Елачич, увидев свою фамилию рядом с Билимовичем и Богаевским, снова попытался объяснить и доказать целесообразность участия социалистов во внепартийных национальных организациях как для борьбы в них с национализмом и шовинизмом, так и для заботы о правах меньшинств. В частности, он настаивал на необходимости помочь «национально беспомощным русским гражданам», предоставив им хотя бы суррогат собственной общины, и выражал уверенность в том, что именно Билимович и Богаевский, «дав свою подпись под воззванием по существу демократическим.., хотят сойти с платформы национализма и антисемитизма, а не мы, подписавшие воззвание социалисты, сошли со своей платформы социалистической и демократической». В случае

⁵⁵ В ответ на эти претензии представители РСНУ заявляли, что «русская община» будет государственной организацией, «Русский союз» же организация частная: «С каких пор “революционная демократия”... стала бояться частной инициативы? Казалось бы, проявление частного почина в деле национального возрождения надлежало приветствовать. Затем, “Русский союз” именно и возник потому, что пока нет русской общины, и одной из своих первейших обязанностей ставит содействие скорейшей организации Русского национального союза согласно закону о национально-персональной автономии» (С.К. Единый национальный фронт // Русский голос. 1918. 14(1) апреля. № 1. С. 2).

⁵⁶ Накануне // Киевская мысль. 1918. 28(15) марта. № 36. С. 1.

⁵⁷ Опасный путь // Киевская мысль. 1918. 23(10) марта. № 32. С. 1.

же отказа РСНУ от этой программы, разрыв с ним, по мнению Елачича, будет более обоснованным, «чем было бы сейчас уклонение от национальной работы в специальной демократической организации потому только, что к ней присоединились некоторые правые деятели»⁵⁸. В редакции «Киевской мысли» подобные надежды демократизировать национальное движение вместе с «врагами демократии» сочли легкомысленными⁵⁹.

Однако публичные объяснения Елачича вызвали небольшой скандал в самом РСНУ. Билимович считал себя человеком, «который может, не внося никаких разногласий, работать в рядах “Русского союза на Украине”, раз это союз внеклассовый и внепартийный, не преследующий политических целей, а ставящий своею задачей мирную культурную работу». Профессора удивило, что за сотрудничество с ним в совете РСНУ кому-то приходится извиняться, и, не желая подвергать Елачича «тягости таких оправданий», он вышел из руководства организации⁶⁰. Совет РСНУ, рассмотрев эту коллизию, признал заявления Елачича его частным делом и просил Билимовича остаться⁶¹, но, по-видимому, на его решение это уже не повлияло.

Впрочем, и Елачич пробыл в совете РСНУ недолго. Лидеры эсеров и меньшевиков открыто выступили против «Русского союза». Всеукраинский комитет Партии социалистов-революционеров (ПСР), находя задачи РСНУ приемлемыми, опасался, что в перспективе он может стать реакционным и обострить национальную борьбу, «так как присутствие среди его членов ярких представителей партий царской русификаторской политики на Украине не может не сказаться в общем направлении деятельности этого союза». Поэтому партия, поддерживая закон о национально-персональной автономии и выступая за скорейшее создание русской (великорусской) национальной общины, предостерегала своих членов от участия в РСНУ⁶². Областной комитет РСДРП занял ещё более жёсткую позицию, объявив недопустимым участие членов партии в РСНУ, так как «союз этот по задачам своим и составу может только содействовать росту национального шовинизма». Киевский городской комитет и всеукраинское совещание РСДРП одобрили эту тактику⁶³. Меньшевик Елачич, видимо, не выдержав давления однопартийцев и друзей-эсеров, отказался от должности секретаря совета РСНУ и вышел из его состава «по независящим обстоятельствам»⁶⁴.

Представителям РСНУ оставалось лишь сетовать на ошибочность данных решений, толковать о том, что, «если с.р. и с.д. дорого русское национальное движение, если они хотят, чтобы оно вылилось в здоровые формы, они должны, обязаны внимательно относиться к возникающим национальным союзам, входить в них и активно в них работать»⁶⁵. По словам Шульгиной, деятельность

⁵⁸ Елачич А. Письмо в редакцию // Киевская мысль. 1918. 28(15) марта. № 36. С. 2.

⁵⁹ От редакции // Киевская мысль. 1918. 28(15) марта. № 36. С. 2.

⁶⁰ Билимович А. Письмо в редакцию // Киевская мысль. 1918. 31(18) марта. № 38. С. 2.

⁶¹ Русский союз на Украине // Рабочая жизнь. 1918. 3 апреля (21 марта). № 31. С. 1.

⁶² Русский союз и социалисты-революционеры // Киевская мысль. 1918. 2 апреля (20 марта). № 39. С. 3–4.

⁶³ С.-д. меньшевики о «Русском союзе на Украине» // Киевская мысль. 1918. 4 апреля (22 марта). № 41. С. 2; Украинское совещание российских с.-д. меньшевиков // Киевская мысль. 1918. 14(1) апреля. № 51. С. 3.

⁶⁴ Русский союз на Украине // Голос Киева. 1918. 21(8) апреля. № 7. С. 2.

⁶⁵ А-ч. «Русский союз на Украине» и демократия // Русский голос. 1918. 24(11) апреля. № 3. С. 2.

союза, «пытавшегося объединить все оставшиеся верными русской культуре элементы от Шульгина до Елачича включительно», окончилась неудачей из-за «боязни лиц, подобных Елачичу, компрометировать себя общением с “чёрной сотней”... Гипноз старых мест, старой вражды, гипноз газетной травли всё ещё действовал, как действует и сейчас. Налицо была “Киевская мысль”, и всё, что тяготело к ней, не могло работать с нами. Елачича здорово ругнули, и он сдался без боя и извинился»⁶⁶. Впрочем, другие социалисты, как и русские националисты, продолжили совместную работу в РСНУ.

Более того, именно на апрель — начало мая 1918 г. пришёлся пик деятельности РСНУ. К этому времени его внутренняя структура немного изменилась, вместо Временного совета был избран президиум Главного совета, состоявший из председателя (Е.А. Ефимовский), его товарищей (И.А. Архангельский, П.М. Богаевский, П.И. Незлобин и П.К. Соколов), секретаря (А.П. Попов) и его товарища (Н.Н. Дрейер), а также председателей восьми секций: инициативно-организационной — П.К. Соколов, защиты национально-правовых интересов — С.Г. Крупнов, призрения и благотворительности — Н.С. Жекулин, культуры и просвещения — В.И. Селинов, юридической — В.И. Игнатович, экономической — Е.Е. Слущкий, труда — А.М. Симзен, финансовой — В.В. Буверт (он же являлся казначеем РСНУ)⁶⁷.

1(14) апреля начала выходить газета «Русский голос», ставшая неофициальным печатным органом РСНУ. Её редакция, кадетская по своему составу, в первой передовице констатировала: «Силою вещей наша национальная идеология из “российской” превращается в “русскую”»⁶⁸. Располагалась она в помещении РСНУ (Львовская ул., д. 40), где также действовало консультационное бюро, занимавшееся делами, касавшимися национально-правового положения русских на Украине⁶⁹. Вскоре заработали устроенные союзом вечерние школы грамоты для взрослых⁷⁰ и амбулатория⁷¹.

8(21) апреля в житомирском городском театре при большом стечении публики прошло открытие Волынского отдела РСНУ, объединившего сторонников разных политических сил — от эсеров до правых; на мероприятии присутствовал Одинец⁷². 9(22) апреля киевский окружной суд зарегистрировал устав РСНУ⁷³, и в тот же день открылся его отдел в Казатине⁷⁴. Готовилось образование ячеек в Ровно, Бердичеве, Нежине, Чернигове, Харькове, Екатеринославе, Николаеве, Херсоне, Полтаве, Мелитополе⁷⁵. Попробовал себя отдел РСНУ и на выборах в «центральный орган» студенческого самоуправления Киевского политехнического института. По итогам голосования студентов он получил 49,1% голосов, обогнав блок еврейских, российских, польских и армянских социалистических партий (39,2%), польский список (7,8%) и украинскую «гро-

⁶⁶ Шульгина Е.Г. Конспект моих политических переживаний... С. 278.

⁶⁷ Состав Главного совета «Р[усского] Союза» // Русский голос. 1918. 24(11) апреля. № 3. С. 4.

⁶⁸ От редакции // Русский голос. 1918. 14(1) апреля. № 1. С. 1.

⁶⁹ В помещении... // Киевская мысль. 1918. 4 мая (21 апреля). № 67. С. 1.

⁷⁰ Школьная секция // Русский голос. 1918. 10 мая (27 апреля). № 6. С. 4.

⁷¹ Амбулатория «Р.С. на У.» // Русский голос. 1918. 19(6) апреля. № 2. С. 4.

⁷² Открытие Волынского отдела // Русский голос. 1918. 28(15) апреля. № 4. С. 3—4.

⁷³ Устав общества Русский союз на Украине. Киев, 1918. С. 1.

⁷⁴ Казатинский отдел // Русский голос. 1918. 24(11) апреля. № 3. С. 4.

⁷⁵ Русский союз // Последние новости. 1918. 22(9) апреля. № 4990. С. 3; Местные отделы Союза // Русский голос. 1918. 18(5) мая. № 7. С. 4.

маду» (3,9%)⁷⁶. Очевидно, по крайней мере, в городах, перед РСНУ открывались хорошие перспективы.

В каждом районе Киева имелись пункты для записи в «Русский союз»⁷⁷, публичные лекции и собрания проходили практически еженедельно в самых разных аудиториях как в центре города, так и на окраинах. 25 марта (7 апреля) на Подоле Ефимовский прочёл доклад «Русский союз на Украине перед лицом его просвещённых критиков», в тот же день в столовой Политеха Сухотин осветил тему «Община или Союз». 27 марта (9 апреля) в переполненном актовом зале Киевского коммерческого института Крупнов говорил о положении русских на Украине, а затем Соколов рассказал о задачах РСНУ⁷⁸. 8(21) апреля в помещении Коммерческого училища на Демиевке Сухотин сделал доклад «Право быть русским»⁷⁹. В первой половине мая РСНУ организовал грандиозные «Русские дни», включавшие в себя детские гуляния в саду Купеческого собрания с клоунами, акробатами и фокусниками, а также раут с речами Ефимовского («Русский народ в символах и легендах»), Богаевского («Будущие формы международных отношений»), Луначарской («Умолкнет ли русское слово на Украине?») и Крупнова («Украина и русские»). В последующие дни в рамках «Русских дней» на Подоле планировалось провести доклад Антоневица («Русское национальное чувство») и концерт, в Зоологическом саду — гуляния и танцы при большом духовом оркестре, на Демиевке — доклады Луначарской («Русская школа на Украине, её значение, её будущее») и Ефимовского («Русское национальное движение на Украине, его вольные и невольные враги»)⁸⁰.

РСНУ поддерживал тесные контакты с Министерством по великорусским делам, а Ефимовский устроился туда юрисконсультантом⁸¹. Кроме того, ещё в конце марта 1918 г. для установления связи с широкими общественными кругами и координации действий по реализации закона о национально-персональной автономии при ведомстве сформировали Временный великорусский национальный совет из делегатов партийных всеукраинских съездов. Заседая под председательством Одинца, он должен был превратиться в предпарламент, который после проведения выборов передал бы свои полномочия национальному учредительному собранию⁸². Места в совете предоставлялись кадетам, эсерам и меньшевикам — по 5 человек, народным социалистам — 3, социал-демократической организации «Единство» — 1, русской внепартийной фракции киевской городской думы — 3, РСНУ — 5, Учительскому союзу — 2, Центральному бюро профессиональных союзов — 10⁸³. Таким образом, изначально социалистиче-

⁷⁶ Отдел Союза при Политехнич. институте // Русский голос. 1918. 10 мая (27 апреля). № 6. С. 4.

⁷⁷ ГА РФ, ф. 1834, оп. 2, д. 708, л. 1.

⁷⁸ Собрания «Русского союза на Украине» // Русский голос. 1918. 14(1) апреля. № 1. С. 4; «Русский союз на Украине» // Киевская мысль. 1918. 11 апреля (29 марта). № 48. С. 2.

⁷⁹ Доклад // Русский голос. 1918. 24(11) апреля. № 3. С. 4.

⁸⁰ «Русские дни» // Русский голос. 1918. 10 мая (27 апреля). № 6. С. 1.

⁸¹ Организация министерства // Русский голос. 1918. 14(1) апреля. № 1. С. 4.

⁸² ЦДАВО України, ф. 1126, оп. 1, д. 6, л. 10.

⁸³ От РСНУ в Совет вошли Елачич, Луначарская, Смирнов, Соколов, Сухотин, от Учительского союза — А.В. Жекулина, А.В. Липеровский, от РСДРП — П.И. Логачёв, Г.К. Логинов, П.А. Павлов, В.А. Смирнов, В.П. Яворский, от «Единства» — И.В. Архангельский, от ПСР — М.С. Дешевой, А.Н. Зарубин, П.И. Незлобин, Н.Д. Пухтинский, К.А. Суховых, от ТНСП — П.Г. Антоневиц, В.К. Калачевский, Ю.П. Кистер, от ПНС — Г.Б. Быховский, гр. А.И. Головин, С.Г. Крупнов, В.М. Левитский, С.М. Чебаков, от ВБРИ — П.М. Богаевский, Ф.Д. Бржозовский, Г.И. Петров.

ские группы должны были обладать в нём подавляющим большинством, но из-за того, что профсоюзы так и не прислали своих представителей, «умеренные» получили перевес над «левыми». А поскольку некоторые члены РСНУ вошли в совет от других организаций, то всего их оказалось там не менее 12, а скорее даже около 20 человек (из 30 делегатов).

На первом же заседании 18(31) марта фракция ВБРИ ходатайствовала о переименовании Национального совета из «великорусского» в «русский», так как ему предстояло защищать интересы не только великороссов, но и всего русского населения края. И тут же эсер Зарубин потребовал исключить из состава совета представителей «одиозного» РСНУ на том основании, что их присутствие непропорционально велико и фактически даёт данному объединению двойной голос. Однако оратору указали, что «одиозность союза ничем не доказана», а тогда ещё ожидавшиеся профсоюзные деятели также могли одновременно принадлежать к тем или иным партиям. К тому же в РСНУ входили и беспартийные, имевшие право на отражение своей позиции. 25 марта (7 апреля) фракции эсеров и меньшевиков вновь попытались добиться изменения состава совета, ультимативно требуя оставить в нём лишь тех, кого делегировали партийные комитеты. Эсер Незлобин, состоявший в РСНУ, заявил о несогласии с мнением фракции, сложил с себя полномочия и покинул зал заседаний. Одинец вынужден был объявить перерыв⁸⁴, но впоследствии инцидент, видимо, был урегулирован, и представители РСНУ остались на своих местах.

16(29) апреля в Киеве произошёл государственный переворот, власть захватил гетман Скоропадский, а УНР была преобразована в Украинскую державу. В новом правительстве не нашлось места для министров по национальным делам, хотя соответствующие ведомства и связанные с ними структуры ещё какое-то время продолжали функционировать. Так, 3(16) мая Одинец в качестве председателя Национального совета просил министра иностранных дел способствовать перевозке в Киев из Петрограда тяжелобольного Г.В. Плеханова, его семьи и трёх сопровождавших их лиц⁸⁵. 5(18) мая Министерство по великорусским делам, получив от МИД приглашение принять участие в работе комиссии, созданной в связи с приездом мирной делегации из Советской России, обращалось за консультацией к Богаевскому⁸⁶. В середине мая на заседании совета Одинец объявил о том, что покидает пост министра и председателя совета, хотя ведомство продолжает действовать, несмотря на неопределённость положения и отсутствие средств. В сложившейся ситуации совет вновь переизбрал его председателем и решил выступить с декларацией, поручив её подготовку особой комиссии (Одинец, Луначарская, Крупнов, Павлов)⁸⁷. Вскоре она была составлена и принята единогласно всеми членами. В ней провозглашалась необходимость действительного равенства граждан перед законом, законодательного признания полного равноправия русского и украинского языков и замены во всех нормативных актах термина «великоросс» как понятия чисто этнографического и не охватывающего всех групп населения, признающих рус-

⁸⁴ Открытие временного национального совета // Киевская мысль. 1918. 2 апреля (20 марта). № 39. С. 2; Национальный совет при министерстве по великорусским делам // Русский голос. 1918. 14(1) апреля. № 1. С. 3—4.

⁸⁵ ЦДАВО України, ф. 1126, оп. 1, д. 8, л. 2.

⁸⁶ Институт рукопису Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського, ф. 142, оп. 1, д. 5, л. 1.

⁸⁷ В национальном совете // Киевская мысль. 1918. 16(3) мая. № 77. С. 1.

скую культуру своей, термином «русский», общепризнанным в жизни, науке и литературе. Кроме того, совет настаивал на сохранении центрального учреждения, обеспечивающего самоуправление народов, и заключал, что «осуществление всех означенных мероприятий принесёт национальный мир и волюёт в трудное дело государственного строительства на Украине все русские силы»⁸⁸. По сути, орган, доживавший последние дни, решил громко напомнить о себе на прощание.

А буквально через несколько недель после переворота раскололся и «Русский союз», так как кадеты согласились войти в гетманское правительство и дистанцировались от оппозиции. Соответствующее решение 25—28 апреля (8—11 мая) приняли 70 из 89 делегатов партийного съезда. Ещё до его начала Ефимовский убеждал областной комитет в том, что поддержка властей суверенной Украины, опирающихся на германскую военную силу, противоречит верности союзникам и принципу единства России⁸⁹. Но на съезде он остался в меньшинстве, большинство же ограничилось тем, что высказалось за предоставление русскому языку статуса государственного и создание правительственных учреждений для защиты национальных меньшинств⁹⁰. После этого в «Русском голосе» даже появилась провокационная заметка о том, что Ефимовский будто бы слагает с себя полномочия председателя РСНУ и выходит из партии⁹¹. И хотя тот делать этого не собирался, из-за подобной публикации ему пришлось не только отказаться от председательства, но и выйти из совета РСНУ, ссылаясь на нежелание «давать кому бы то ни было соблазна для политических распрей там, где им не место»⁹². С тех пор он стал одним из ведущих сотрудников «Голоса Киева», издававшегося «малороссами», а в июне 1918 г. возглавил общество «Русь»⁹³, созданное русскими националистами, ориентировавшимися на Белое движение.

Нового председателя в РСНУ так и не избрали, а «Русский голос», по мнению его редакции, «до сего времени обслуживавший, в силу особых условий, лишь национальный вопрос», фактически превратился в неофициальный орган кадетской партии и отныне уделял «равное внимание всей совокупности интересов политических, социальных, национальных и экономических, волнующих страну»⁹⁴. Рубрика, посвящённая жизни РСНУ, исчезла со страниц газеты. Если раньше кадеты вели торг с украинцами и немцами, выступая в роли лидеров русского движения, то войдя в правительство и получив определённое влияние на его социальную политику, они в значительной мере потеряли интерес к «русскому» делу (а некоторые из них даже приняли активное участие в украинизаторской политике гетмана). Эсеры и меньшевики, напротив, ушли в жёсткую оппозицию к Скоропадскому. Искренний интерес к легальной защите прав русских как национального меньшинства проявляли только Одинец и народные социалисты.

⁸⁸ Декларация русского национального совета при министерстве по «великорусским делам» // Голос Киева. 1918. 18(5) мая. № 27. С. 1.

⁸⁹ Ефимовский Е.А. К съезду к.-д. // Голос Киева. 1918. 10 мая (27 апреля). № 20. С. 3.

⁹⁰ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 2. 1918—1920 гг. М., 2000. С. 157, 170—171.

⁹¹ В «Русск[ом] союзе на Укр[аине]» // Русский голос. 1918. 18(5) мая. № 7. С. 4.

⁹² Ефимовский Е. Письмо в редакцию // Голос Киева. 1918. 22(9) мая. № 30. С. 2.

⁹³ В обществе «Русь» // Голос Киева. 1918. 18(5) июня. № 51. С. 1.

⁹⁴ От редакции // Русский голос. 1918. 26(13) мая. № 8. С. 1.

Русские националисты-«малороссы», враждебно относившиеся к немецким оккупантам и украинским властям, потеряв связь с Добровольческой армией, ушедшей в первый Кубанский поход, находились к началу марта 1918 г. в политическом вакууме и нуждались в легальном прикрытии своей публичной активности. Надежды на возрождение России казались тогда утопическими, и приходилось приспосабливаться к работе в УНР. Но к маю ситуация радикальным образом изменилась — украинские социалисты потерпели поражение, контакт с добровольцами удалось восстановить, а на Дону развернулось антибольшевистское восстание. В этих условиях русские националисты сделали ставку на нелегальную работу в пользу белых и союзников по Антанте, победа которых, по мнению Шульгина и его сторонников, должна была привести к присоединению Украины к великой, единой и неделимой России. Поэтому борьба за национально-персональную автономию русских в государстве, обречённом на исчезновение, казалась им уже абсолютно бессмысленной.

Довольно быстро правые и кадеты потеряли интерес и к Национальному совету, совершенно бессильному и ни на что не способному. Богаевский уже не скрывал, что «выделение отдельных национальных ячеек в правовом государстве» представляется ему немислимым⁹⁵. Кадет С.М. Чебаков, также входивший в состав совета, утверждал, что «партия признаёт национально-персональную автономию, но в данный момент считает её ненужной»⁹⁶. В конце мая на заседание, оказавшееся последним, пришли девять «левых» (народные социалисты, меньшевики, эсеры) и трое «умеренных» — кадет и представители РСНУ и Учительского союза. Ефимовский, явившийся туда как частное лицо, жёстко раскритиковал своих бывших соратников: «Публики очень мало, и, если судить по числу публики, русское дело безнадежно; один из ораторов почти так и сказал. Но кто в этом виноват и что это значит? Русские ли перестали себя чувствовать русскими или русские не видят в Национальном совете своих вождей? Пожалуй, ближе к истине второе, и не без оснований. Прежде всего состав совета: представители трёх социалистических партий, к.д., беспартийный русский блок, учительский союз и Русский союз на Украине. Абсолютное большинство принадлежит политическим партиям, интернациональным по составу. Почему они претендуют на выражение желаний и чувств русского населения, — это их секрет». При этом от речей веяло «убийственной скукой», так как «партийные люди укоряли друг друга и вели интеллигентскую прю о достоинствах и недостатках национально-персональной автономии», не замечая, что «на весах истории решается судьба России»⁹⁷.

Наконец, 25—26 июня (8—9 июля) Совет министров ликвидировал три национальных ведомства, передав их функции министерствам внутренних дел и народного просвещения. Одновременно приостанавливалось действие закона о национально-персональной автономии⁹⁸. Это привело и к упразднению Национального совета как придатка Министерства по великорусским делам. Парадоксально, но УНР, во главе которой стояли украинские националисты, предоставляла хоть какие-то легальные институты для самоорганизации русского

⁹⁵ Анкета о национальных министерствах // Русский голос. 1918. 18(5) мая. № 7. С. 4.

⁹⁶ Заседание Русского национального совета (Продолжение) // Русский голос. 1918. 1 июня (19 мая). № 13. С. 1.

⁹⁷ Ефимовский Е. Русские перспективы. 3 // Голос Киева. 1918. 1 июня (19 мая). № 38. С. 1.

⁹⁸ Українська Держава (квітень—грудень 1918 року). Документи і матеріали. Т. 2 / Упоряд. Р. Пиріг. Київ, 2015. С. 156.

населения (пусть и под псевдонимом «великороссов»), тогда как гетманский режим, в значительной мере опиравшийся на старую имперскую бюрократию, все эти структуры уничтожил. Соответственно и деятельность «Русского союза» в Киеве полностью замерла. Какое-то время под его вывеской действовали «русские национальные общины», возникшие в Новороссии на рубеже 1917—1918 гг. как объединения националистов и вынужденные после немецкой оккупации перейти на полуполюгальное положение. РСНУ имел официальный статус, и «общины» развивали свою региональную сеть, пользуясь его прикрытием⁹⁹. В 1919 г. на их основе возник Союз русских национальных общин, игравший заметную роль на белом Юге России¹⁰⁰.

Нельзя не отметить, что Русский союз на Украине никогда не выходил за рамки культурной и общественной работы, и поэтому вряд ли можно говорить, что он «преследовал цель восстановления России в старых, дореволюционных границах», хотя многие из его членов (в первую очередь из числа «малороссов» и кадетов) об этом, безусловно, мечтали. «Русский союз» имел хороший потенциал для роста своей численности и влияния, но стремительно менявшиеся обстоятельства и эфемерность самой украинской государственности привели к тому, что многие его участники при первой же возможности отдали предпочтение другим проектам, казавшимся более перспективными.

⁹⁹ Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture. Anton & Kseniia Denikin Collection. Box 20.

¹⁰⁰ Подробнее см.: *Чемакин А.А.* Союз русских национальных общин в 1918—1920 гг.: история создания, идеология и деятельность // Русин. 2019. № 55. С. 133—148.